

АНАТОЛИЙ АРАМИСОВ

ЛЮБОВІН

Анатолий Арамисов

Любовін

«Издательские решения»

Арамисов А.

Любовін / А. Арамисов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853995-4

В новой книга Анатолия Арамисова собраны рассказы и повести, посвященные любви. В ее самых разных проявлениях. Эгоистичная и беззаветная, бескорыстная и наивная, взаимная и безответная, расчетливая и экстравагантная — все эти оттенки любви читатель может прочувствовать на страницах этой книги. Автор по праву считается мастером по созданию неожиданных для читателя концовок своих произведений. Это особенно ярко проявляется в повести «Перстень», рассказах «Гражина», «Любовін», «Ромео».

ISBN 978-5-44-853995-4

© Арамисов А.
© Издательские решения

Содержание

Анатолий Арамисов	6
Гражина	7
Перстень	13
Глава 1	13
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Любовін

Анатолий Арамисов

© Анатолий Арамисов, 2017

ISBN 978-5-4485-3995-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В новой книга Анатолия Арамисова собраны рассказы и повести, посвященные любви. В ее самых разных проявлениях. Эгоистичная и беззаветная, бескорыстная и наивная, взаимная и безответная, расчетливая и экстравагантная – все эти оттенки любви читатель может почувствовать на страницах этой книги. Автор по праву считается мастером по созданию неожиданных для читателя концовок своих произведений. И здесь, в этой книге, это особенно ярко проявляется в повести «Перстень», рассказах «Гражина», «Француженка, играющая в шахматы», «Любовін», «Секс за миллион долларов», да, пожалуй, и всех остальных рассказах и повестях.

Анатолий Арамисов

Автор романов «Французская защита» (2006г.), «Гости виртуального полнолуния» (2008 г.), «Короли умирают последними» (2010 г.), «Предвестники» (2010 г.), сборников повестей и рассказов «Вояжеры» (2011 г.), «Гроссмейстер» (2017 г.)

Работал редактором журнала «64 – Шахматное обозрение».

Его рассказы «Попутчик», «Жизнь в трех словах», «Вояж, вояж» и другие неоднократно выигрывали литературные конкурсы в интернете.

=====

Гражина рассказ

Я устроился поудобнее на верхней полке купе, заложил руки за голову и закрыл глаза. За окном слышались привычные звуки вокзальной суеты, характерный скрип колесиков чемоданов, гортанные крики вокзальных торговцев, невнятный бубнеж дикторши в динамиках, разноголосый гомон провожающих и пассажиров.

Я – челнок.

Никогда бы не подумал раньше, что меня станут обзывать таким словом. Но после крушения нашей советской империи в лексиконе её жителей появилось немало новых выражений. Мудреных, вроде тех, что произносились с экрана телевизора лысоватыми гражданами с выпученными глазами и причмокивающими губами. И вот такие – простые выражения, которыми окрестили потерявших работу, кинувшихся на заработки валюты за бугор. Наш девятый рубль потерял доверие бывших строителей коммунизма.

Я еду в Варшаву.

Уже в который раз, даже со счета сбился. И каждая поездка приносит новые впечатления. Всё непредсказуемо. Ты можешь хорошо заработать, а можешь вернуться ни с чем. Если деньги найдет таможня, если тебя обманут поляки, или ограбят бандиты. Сколько слёз я видел на центральном вокзале польской столицы! Сколько горя в глазах людских. Криминал расцвел пышным цветом в начале 90-х именно на почве, удобренной деньгами челноков.

Меня можно обмануть, но ограбить нелегко. Я бывший боксер, мастер спорта. Но всё же раз случилось.

Уже в трамвае я заметил за собой слежку. Их было четверо, кавказцы, похожие друг на друга. Они окружили меня в проходе: двое сзади, двое спереди. Ближний ко мне сверлил меня взглядом, как будто хотел загипнотизировать, напугать уже сейчас.

– Думаешь, я вас боюсь, тварей? – усмехнулся я, глядя чурбану прямо в глаза. Тот дернулся, сглотнул кадыком. Не ожидал. Лишь что-то прошипел в ответ на своем обезьяньем языке.

Они напали на меня сразу, после выхода на остановку, не боясь местных жителей. Видимо, вели с самого рынка, где я оптом скинул партию товара. Я контролировал ситуацию, делая отбивы, уклоняясь от свистевших кулаков, отвечая короткими, но болезненными джебам. Один уже валялся в канаве, зажимая руками фонтанирующий кровью нос. И тут я сделал ошибку. Посчитал, что их осталось трое. Все они, тяжело дыша и приняв боевые стойки, стояли полукругом передо мною. Рожи в крови. Мне тоже надо было отдышаться. И тут я почувствовал сильнейший удар сзади. По голове. Чем-то тяжелым.

«Значит, был пятый... Как я его не заметил? Эх, жаль, что нет в руках моего любимого АКМ...» – успел подумать, проваливаясь в темноту.

Очнулся в приемном покое местного госпиталя. Сразу пощупал внутренний карман рубашки, где лежали две тысячи долларов, вырученные от продажи барахла. Пусто.

Скрипнул с досады зубами. Как сейчас были мне нужны эти две тысячи долларов! Я вкладываю их в строительство дома. Живу в Люберецкой коммуналке, а дом – в Малаховке. Старый дедушкин сарай я развалил, на его месте выросли кирпичные стены в два этажа. Осталось самое трудное – провести коммуникации. Газ, водопровод, канализация. Я строю дом для единственного сына. Тот живет с матерью, мы развелись, когда эта стерва изменила. Слишком долгой была моя командировка в Афган. Мои друзья почти все в бандитах. Точнее сказать, –

пацаны они. Братва. Всё время зовут к себе: «Серый, брось ты это неблагодарное дело, иди к нам, заработаешь в сто раз быстрее на свой дом»!

Не хочу.

Знаю, как они зарабатывают. У соседа Мишки руки по локоть. Он был тяжеловес, теперь кличут быком. На стрелки ездит. Нет, мне такие бабки не нужны. Запачканные кровью.

Я перевернулся на другой бок и вздохнул. Какие-то дурные мысли лезут в голову. Не к добру, наверное. Неужели опять не повезет? Посмотрим.

В больнице я валялся две недели. Там мы и познакомились с Гражиной. Она работала врачом. Такая вся из себя красивая. Длинные волосы, фигурка с тонкой талией, глазищи в поллица, носик с небольшой горбинкой, что придавало ей неповторимый шарм. В общем, зеленоглазая блондинка. Мне сразу понравился её голос, как-то по-особенному произносящий шипящие звуки польского. Когда я лежал в забытии и не мог видеть девушку. А уж открыв глаза, сразу захотел её. Любой бы мужик на моем месте захотел. Ибо она склонилась надо мной, видимо, прислушиваясь к дыханию. Халатик распахнулся, обнажив два аппетитных арбузика. Тут я и открыл глаза. Польша отпрянула, смутилась, покраснела и вышмыгнула из палаты.

В другой раз она стояла рядом с кроватью, а правая рука у меня оказалась свободной. Я и провел пальцами по её ноге. От коленки вверх. Насколько она позволила.

Звонкий шлепок по руке. Быстрые шаги, хлопнула дверь. И я впервые за неделю радостно рассмеялся.

Спустя месяц я, наконец, заночевал у Гражины. Она жила одна, почти в центре польской столицы. На улице Житна. Её тело было мягким, отзывчивым на ласки. И ненасытным. Она учила меня польским фразам в перерывах между близостью. И любила при этом есть вишни. Её пухлые губы как-то мило и смешно раскрывались, когда она брала ими ягоду.

– Ештэ попросу вспаняле, пышнее як вишня! Ты просто прелесть, вкусный как вишня! – она учащенно дышала, не переставая улыбаться. Потом запрокидывала голову назад, стонала.

И еще одна черта мне нравилась в ней. Когда она танцевала со мной, то неотрывно смотрела прямо в глаза. Это возбуждает, заводит. Наши девушки обычно скромно прячут взгляд.

Я уже задремал, когда её пальцы внезапно коснулись моего шрама под правой ключицей.

– Былишне в стане войне? (Ты был на войне?) – её вопрос звучал как утверждение.

Я кивнул.

– Где воевал? Расскажешь про это?

– Не хочу.

Еще чего. Только начал забывать. Когда приехал домой, ловил себя на мысли, что рассматриваю прохожих из своего окна только через воображаемую прорезь прицела. Лишь через полгода прошло.

– От чего это? – она потянулась и поцеловала шрам.

– Осколок мины, наискосок зацепил... – коротко ответил я.

«Интересно, вторую заметит?» – подумал я. Гражина словно прочла мои мысли.

– А вот это что? – пухлые губы коснулись белой метки на бедре.

Я весь покрылся мурашками.

– Это пуля.

– Бедненький... – Гражина ласково погладила рукой по волосам и заглянула в глаза. – То было болезне? Больно было?

– Не очень, – ответил я, и, обхватив девушку за плечи, снова перевернул её на спину...

Теперь мне не надо было тратить деньги на гостиницу. Я приезжал, скидывал барахло на местном рынке, покупал «Бейлис», любимый ликер Гражины, букет цветов, какой-нибудь подарок, и ехал к ней. Однажды поймал себя на мысли, что больше хочу оказаться снова в постели с мягким телом польки, чем заработать очередную тысячу баксов на дом. Но о серьезных отношениях не было и речи. Слишком глубока была рана, нанесенная женушкой. После развода её бесило, что сын явно сильнее любит отца, чем мать, поэтому свидания с ним выбивались со скандалами. В один момент я словно возненавидел всех баб. Но Гражина разговаривала не на русском, поэтому как бы выбивалась в моем подсознании из печального ряда.

Иногда я на целую неделю задерживался в Варшаве. В конце её полька преображалась: из глаз исходил тот особенный свет, который бывает только у влюбленных и полностью удовлетворенных женщин. Она заметно хорошела. Я видел, как на улицах Варшавы на нее оглядываются мужики, и какое-то чувство, похожее на гордость, приплывало ко мне. Но я гнал его прочь. Мне б одного сына поднять, да дом для него достроить. Больше ничего я не желал.

Гражине захотелось поделиться своим женским счастьем с подругами. Она начала устраивать посиделки. Сверкая радостными очами, быстрой скороговоркой рассказывала обо мне; зная, что я уже начинал понимать по-польски, интимные подробности обсуждала на кухне, когда я, умиротворенный хорошим ужином с вином, сонно пялился в телевизор. Я не рассказывал Гражине, что почти все её подруги затевали извечную женскую игру со мной: кто-то вроде невзначай касался ножкой под столом, потом все настойчивее и откровеннее; другие всё говорили глазами, я обнаруживал в кармане пиджака визитные карточки с телефонами, одна напрямую звала к себе во время танца. И лишь однажды я клюнул на эти нехитрые приманки.

Датчанка, давняя подруга Гражины, откровенно елозила своей маленькой ножкой по моим бедрам, потом шепнула: «Приезжай!» И сунула в руку бумажку с адресом в Копенгагене. Грета была хороша: круглолицая, голубоглазая, с широкими бедрами, белыми волосами, чем-то напоминала Агнешку Фальскак из группы «АББА». Их музыка была моей слабостью, и, скорее всего, поэтому я «клюнул».

Я приехал в столицу Дании, быстро разыскал Грету. Потом жил у неё четыре месяца; в Москве была зима, и стройка в Малаховке замерла.

Грета была в восторге, всё время ругала местных мужчин.

– Они все какие-то вялые, с избытком веса, инфантильные и вечно озабоченные собственным здоровьем. А ты – мужик! Меедвееет! – смешно коверкая русские слова, говорила датчанка.

Мы с ней общались на чудовищной смеси немецко-польско-русского наречия. Правда, в постели все слова были лишними.

Но и она мне надоела. Особенно, когда копируя манеры Гражины, стала показывать меня подругам. Одно и то же. Ножки под столом, визитки в карман. Один раз я не выдержал назойливости Греты и внезапно для себя хлопнул её по щеке. Та удивленно заморгала голубыми глазами, покраснела, держась за больное место, потом из глаз полились ручьи. Пришлось остаться еще на неделю, чтобы реабилитироваться за эту вспышку ярости.

– Ты меня побил, а я после этого еще сильнее тебя стала любить! – шептала датчанка в постели. – Еще сильнее, не уезжай, оставайся навсегда.

Вот не поймешь баб. Бьет – значит любит? Не только в России, но и цивилизованной Дании? Или дело тут в другом? Загадка.

И вот я снова еду в Варшаву. Везу барахло на продажу, хотя от этого занятия уже тошнит. Каждый раз даю себе слово: всё, в последний раз! Но теперь меня тянет в Польшу больше из-за Гражины. Как-то сейчас сложатся наши отношения? После такой разлуки?

Меня ждал не совсем приятный сюрприз. Я позвонил польке с вокзала, чтобы та не была застигнута врасплох. А когда появился к ней, то увидел на кожаном диване развалившегося поляка.

Этакий интеллигентный ловелас. Наш разговор был коротким.

– Ну, что? Будем бодаться? – я с силой сжал протянутую кисть соперника.

Тот ойкнул от боли и всё понял. Мой вид не обещал интеллигенту ничего хорошего, он сдался без боя. Быстро собрался в прихожей, лихорадочно застучал каблуками по лестнице. Я догнал его у выхода.

– Признавайся, пся крев, у тебя что с Гражиной? – я с силой сжал его за локоть.

– Ничего, ничего, пан! Она меня только полчаса назад в гости пригласила! Старая школьная знакомая. Я рядом живу!

И он кивнул головой на соседний дом. Я отпустил руку.

Мои сомнения на следующий день развеял папаша Гражины. Полька пригласила родителя познакомиться со мной. Тревожный звоночек. Хорошо, что потенциальная теща уже живет в лучшем мире. Но потом я весело смеялся, слушая забавные речи пана Станислава.

– Ты, я вижу, крепкий парень... – заговорщицки подмигнул он мне после пятой рюмки. – Выйдем, поговорим.

Мы уселись на широкой лоджии, и тут пан выдал.

– Главное в нашем деле... каждый день... ты понял? – он снова хитро подмигнул мне. – Тогда паненка будет как привязанная за тобой бегать, что хочешь делать для тебя! У них всё решается между ног... все эмоции оттуда идут. Только секрет!

И он приложил палец ко рту, сделав строгое лицо.

Я не выдержал и спросил:

– А вы, пан, каждый день... того...?

Поляк с гордостью выпятил грудь.

– Да, представь себе! Каждый день двадцать четыре года. Умножим на триста шестьдесят пять, будет... восемь тысяч семьсот шестьдесят.

– Да вы гигант, математик! – засмеялся я. – Просто герой любовного фронта!

Поляк расплылся в улыбке и, оглянувшись, громко зашептал:

– Я еще что! Вот мой дед – тот каждый день сорок семь лет. Представь себе: семнадцать тысяч сто пятьдесят пять раз. Его хоронили очень торжественно. Кзендз надел по этому случаю особое одеяние. Как святого мученика хоронили!

Мы рассмеялись.

Под конец папа Гражины по секрету сообщил мне, что он очень богат, даже по европейским меркам, и его дочь является единственной наследницей. И что Гражина хотела наказать меня, за долгую отлучку, пригласив в гости знакомого соседа.

– Чтобы ты приревновал, разумеешь? – хитро улыбался папаша.

Пан настолько поднял мне настроение, что в эту ночь я превзошел самого себя. Под утро мне пришла в голову неожиданная мысль: а если умножить пять тысяч дней на количество раз за ночь, то получается астрономическая цифра. Какая счастливая, наверное, была бабушка Гражины.

Безмятежно, словно сплошным раем, медовым месяцем пролетели тридцать дней. Одним утром я снова вспомнил расчеты папаши Гражины и развеселился.

– Цо ты так смеешься... – полька подняла голову. – Рад, что любишь меня снова?

– Рад, – машинально ответил я.

– А как ты смотришь на то, что у нас может быть ребенок? – внезапно спросила Гражина. – Ведь мы совсем не предохранялись.

Почему-то почти всегда данный вопрос застает нас, мужиков, врасплох.

– Не знаю... – ответил я, чувствуя, как меняется настроение у польки.

Она долго и пристально смотрела мне в глаза, потом молча выключила лампу на своей тумбочке, отвернулась к стене. А я стал рассказывать о себе. О доме, который строю, о сыне, бывшей жене, проблемах с деньгами. О друзьях бандитах, которые зовут в себе. Гражина слушала, но молчала.

Наутро я засобирался, торопливо, виновато, растерянно. Девушка накрыла на стол, мы позавтракали. Я едва не поперхнулся кофе, когда полька произнесла:

– Снова к Грете поедешь?

Я не знал, что сказать. Ведь датчанка клятвенно уверяла, что украла меня не для того, чтобы болтать об этом налево и направо. Гражина прочла мои мысли и усмехнулась.

– Мир слишком тесен, чтобы хранить такие тайны. Мне звонила подруга Греты, которой ты отказал.

Прощальный поцелуй. Я уехал в Данию.

Наступала промозглая московская зима, мне не хотелось торчать дома, челночить в Варшаву надоело до чертиков, я снова решил перезимовать в Копенгагене. А потом, черт с ним, быть может, пойду к Мишке в бригаду, к братве, иначе до скончания века не скоплю на завершения строительства. Пан или пропал, как говорится.

От Греты позвонил в Варшаву. Поздравил с рождением. Но полька была очень грустна.

– У меня умер папа...

Я завис в Копенгагене до самого мая. Сделал ремонт в квартире Греты. Потом в ее загородном доме, недалеко от королевского замка в Фредериксборге. Датчанка считала меня почти мужем, когда я внезапно решил: еду домой, к сыну. И по друзьям очень соскучился. Прощай, Грета! Спасибо за всё!

Я удивленно застыл перед открытой дверью дома в Малаховке. Воры? Не хватало мне еще этого! Вот дурак, оставил надолго дом без присмотра. Но когда зашел внутрь, удивление сменилось испугом. Я изумленно опустился в невесть откуда взявшееся кресло. Сбоку от кухни появилась какая-то стена. Я встал, думая, что ошибся домом. Нет. Это мой дом. Заглянул внутрь ванной комнаты, открыл краны. Горячая вода. Машинально нажал на спуск унитаза. Вода ручьем хлынула вниз.

«Кто-то продал мой дом! И новые хозяева сделали всё, что мне не хватало! Такие дела проворачивала иногда бандитская мафия!» – мысли одна быстрее другой летели в моей голове, когда я поднимался на второй этаж.

Открыв дверь в спальню, я застыл на пороге. На моей кровати спала девушка. Лицом к стене, накрывшись моим армейским кителем с орденом Красной Звезды и прочими побрякушками. Я осторожно подошел к ней, тронул за плечо. Девушка вздрогнула, повернула голову. И рассмеялась. Наверное, видок у меня был еще тот.

Гражина.

Она встала с постели, подойдя вплотную, обняла меня двумя руками за шею, прижалась заметно выпирающим животом.

– Я получила папино наследство и подумала: нельзя человеку с такими наградами становиться бандитом, чтобы достроить дом. Так?

=====

Перстень Мистическая повесть

Глава 1

Курт Бремер устал.

Он получил в наследство от своего деда (der Großvater) большой замок в Баварии – старинный дом со всеми атрибутами средневековья: глубоким водяным рвом вокруг, подъемным мостом к массивным воротам, высокими стенами, и устремленными в небо острыми шпилями, которые были видны за добрый десяток километров вокруг.

Курт уже несколько дней кряду обходил свои владения, и каждый час ему открывалось что-то новое. Он никогда не был здесь раньше, мать не пускала сына к отцу своего бывшего мужа, и до юноши лишь изредка доносились какие-то странные слухи относительно своего предка.

Курт поднялся по крутой лестнице к вершине одной из башен и осмотрелся. Круглая, ничем не примечательная комната. Половина мрачного цвета стены была задрапирована тяжелыми шторами. Молодой Бремер подошел ближе, приподнял материю и вздрогнул. В полумраке он явственно различил взгляд, устремленный на него со стены. Там висела картина.

Курт отдернул штору сильнее и увидел... себя.

– Боже мой – какое сходство! – прошептал помертвевшими губами юноша. – Да это мой дед!

Наследник придвинулся ближе к стене, тронул рукой масляные мазки на холсте.

«Хорошая работа, – отметил его профессиональный взгляд, – и как же он похож на меня! Пресвятая дева Мария! – Курт перекрестился.

Вдруг он увидел весьма странное. Как будто лицо на картине, застывшее в вечной маске, дернулось... Молодой человек отпрянул назад.

«Что такое?? Померещилось? Наверное, нервы уже шалят... рановато. Или отсвет здесь такой? А, быть может, я утомился, надо передохнуть», – успокоил он себя.

С огромной картины на Курта строго смотрел его предок, одетый в роскошный рыцарский костюм, у ног деда застыла красивая гончая, вопросительно глядевшая вверх на своего хозяина. Курт Бремер подвинул стоявший в углу массивный стул из черного дерева и присел перед портретом.

Он вспомнил...

Однажды, играя со сверстниками в карты, Курт услышал ехидное замечание в свой адрес, тихо брошенное одним из противников:

– Везет этому... как будто колдуну старому из Баварских лесов.

– Какому колдуну? – еле слышно переспросил сидевший рядом другой игрок.

– Известно какому, его деду, не слышал разве?

Курт насторожился и прислушался.

– Тсс... – шептавший о колдуне толкнул собеседника локтем, – потом расскажу.

Придя домой, Бремер устроил матери допрос. Та, отводя глаза в сторону, говорила, что сама давно ничего не слышала о своем родственнике и слышать не желает. Это только подогрело интерес Курта.

– Ну, мутти! Расскажи, пожалуйста, о дедушке! Правда, говорят, что он был колдуном?

Мать побледнела и внимательно посмотрела на сына.

– Кто это тебе такое сказал?

– Я случайно услышал, когда с приятелями играл в карты...

Мать помолчала и, подойдя к сыну вплотную, взяла его за плечи и проговорила побелевшими губами:

– Сынок... больше не спрашивай меня о нем. И я тебя умоляю – не играй никогда в карты! Слышишь! Никогда не играй! Никогда!! – каждое следующее слово она произносила все громче и громче, ее руки, до синевы в суставах стискивающие сына, затряслись, и голова Курта стала раскачиваться в такт выкрикиваниям матери.

Курт испугался.

– Ладно, мутти... не буду больше расспрашивать тебя... Успокойся, пожалуйста! – он увидел, как глаза матери стремительно наливаются слезами.

– А играть не станешь? – всхлипнув, спросила мать.

– Да..., наверное, – неуверенно произнес юноша.

– Я тебя заклинаю! Умоляю всеми святыми! О, Боже! Пресвятая Мария! Услышь меня и вразуми моего отрока! Я знаю, – она остановилась, помолчала и как-то обреченно добавила. – Недолго мне осталось... недолго.

– Ну что ты, что?! – сын обнял мать, уткнувшись носом в так знакомо пахнувшие волосы. – Ты еще долго проживешь, я знаю!

Мать немного отодвинулась назад и, обхватив ладонями лицо Курта, посмотрела ему в глаза:

– Спасибо, и я надеюсь. Слава Всевышнему, как-то сумели мы прожить без отца столько лет, и ты уже почти взрослый. Но если что... – она отвернула свой взгляд в сторону, – ты будь готов к еще более тяжким испытаниям. Понимаешь меня?

– Да мутти, – ответил сын, – понимаю, не маленький уже.

Но Курт не предполагал, что это время наступит так быстро.

Через несколько месяцев, вернувшись в полночь с хмельной пирушки, где он распевал в полуподвале пивной с друзьями старинные песни Саксонии, он по привычке хотел, было тихо проскользнуть в свою комнату, как вдруг услышал странный звук, донесшийся из спальни матери. Курт остановился, замер и прислушался. Тихо. Он сделал шаг в направлении своей двери, как звук повторился. Юноша повернулся и подошел к покоям матери. Хриплый, неузнаваемый звук человеческого голоса донесся до него сквозь массивную дубовую дверь.

– Ккууууртт... – звуки как будто наслаивались один на другой, образуя его имя зловещими звуками зимней метели. Он резко дернул тяжелую дверь и вошел в полумрак. Мать, мертвенно бледная, лежала на кровати, скрестив руки на груди. Взгляд ее был устремлен куда-то вверх, под высокий, с деревянными балками, потолок, как будто она разглядывала что-то там, силясь прошептать слова пересохшими губами. Курт бросился к кровати и, став на одно колено, схватил мать за руки:

– Что с тобою, мутти? – со страхом прошептал он.

Вебер никогда не видел свою мать такой испуганной. Глаза ее почти наполовину вылезли из орбит, и в них застыл непередаваемый ужас. Курт поднял голову в направлении взгляда матери. Темно. Ничего не видно.

– Сынок... – едва слышный шепот заставил Курта прикинуть ухом к голове матери.

– Да, я слушаю тебя.

– Я умираю... прости, – прошептали губы, – и должна кое-что сказать тебе.

– Я вызову доктора! Сейчас! – Курт резко поднялся с колена, и хотел, было повернуться к двери. В это мгновение странный звук донесся откуда – то сверху. Курт почувствовал явственное прикосновение к своему правому уху невидимой руки. Он вздрогнул и быстро приложил правую ладонь к голове.

– Стой... не уходи, – слабо проговорила мать, видимо собрав остатки всех сил.

– Но тебе же нужен врач! – закричал сын.

– Неет, всё, больше мне врач не нужен... иди сюда, нагнись, – лицо матери стало быстро темнеть. Курт в ужасе отшатнулся, но потом совладел с собой и наклонился к умирающей.

– Слушаю, мама, – дрогнувшим голосом произнес он.

– Сын, ты остаешься один, у тебя нет денег даже на образование, но... – мать мучительно сглотнула, борясь с наступающим удушьем. Курт еще ближе наклонился к умирающей.

– Но... – повторила мать, – тебе завещан замок деда, отца моего мужа... и бумаги ты должен получить у нотариуса в день своего восемнадцатилетия. Там же все ключи от замка.

– Как? А почему ты молчала об этом столько лет? – шепотом спросил пораженный Курт.

– Я не хотела, чтобы ты получил это наследство, но я умираю так рано и не могу помочь тебе, сын, стать достойным человеком... – мать медленно, с усилием произносила каждое слово, и ее глаза налились слезами.

– Но почему, мутти? – Курт взял ладонь матери и прижал к своей груди.

– Потому что... потому... что, – каждое слово давалось ей все труднее и труднее, – этот замок... он страшный... там что-то есть такое... что люди боятся и даже близко не подходят к нему. Ты, как получишь все права на замок – тотчас продай его... да... за любую, даже самую маленькую цену... если кто купит этот проклятый дом.

– Это все связано с моим дедом? – громко воскликнул Курт.

– Да. И он сейчас здесь.

Курт отпрянул от матери.

«Что – она сходит с ума? Дед же умер много лет назад. Но...»

Юноша вздрогнул, вспомнив недавнее прикосновение к уху.

– Как, мутти – он может быть здесь? – прошептал сын.

– Здесь он... его душа... видит нас... будь он проклят! – внезапно мать Курта резко приподнялась, устремив полубезумный взгляд в угол большой комнаты.

Сын, вглядевшись в полумрак, с ужасом увидел странные следы на полу. Они не принадлежали человеку. Что – то наподобие черной тени метнулось из-под кровати умирающей, и Курт явственно услышал звуки, отдаленно похожие на цоканье подбитых стальными набойками каблучков о мостовую.

– Что? Что было с моим дедом, скажи! – Курт умоляюще сложил ладони перед своей грудью.

– Он... он был очень богат... но это богатство приносило только одни беды и ему и людям, – прошептала мать, по-прежнему глядя остекленевшими глазами в угол комнаты. – И ты... ты сынок, если сможешь, лучше не касайся этих проклятых денег, если сможешь... если... – мать внезапно откинулась назад и захрипела.

Агония длилась несколько минут. Молодой человек с ужасом смотрел на кончину матери. Когда ее глаза неподвижно застыли, а тело выпрямилось в струну, Курт молча заплакал. Он любил свою маму. И теперь остался один.

Прошло два года.

Все это время Курт перебивался случайными заработками в своем небольшом саксонском городке и о том, чтобы скопить деньги на поступление в университет, не было и речи. Еще с детства он обнаружил в себе незаурядные способности к рисованию, и теперь они явно пригодились.

Курт писал портреты самодовольных местных бюргеров, их напыщенных жен, горделивых детей и благодаря этому не умирал от голода. С каждым разом его работы становились все более удачными, и вскоре он прослыл в округе весьма неплохим художником. Но молодой человек понимал – надо ехать учиться. Мечтой его был Кёльн – центр культуры, куда стекались

лучшие умы тогдашней Германии. Не раз во время дружеских застолий в любимой пивной художник рассказывал товарищам о своих планах.

Но те только посмеивались над ним.

– Зачем тебе ехать в Кёльн? Ты там никому не нужен! Таких художников в этом городе тысячи, ты будешь тысяча первым и неизвестным! – гоготали друзья после принятых кружек золотого напитка. – А здесь тебя, Курт, уже все знают! Или большой славы захотел? – дружески подмигивая, повесы, шлепали его по плечу.

– Не нужна мне большая слава, – отшучивался молодой художник, – я просто хочу совершенствовать свое мастерство по-настоящему, а здесь я уже остановился в росте.

– Брось! – орали собутыльники. – Давай лучше в карты сыграем!

– Нет, я не могу... – в который раз Курт произносил эту фразу в ответ на такие призывы друзей.

– Это почему? – заливались хохотом повесы.

– Не могу и все, – спокойно отвечал Курт, потягивая маленькими глотками пиво из бокала.

– Так просто не бывает! – грудью навалился на стол самый заводной из всех – Герман Райберг. – Расскажи нам, почему ты перестал играть в карты с тех пор, как стал жить один??

Курт поморщился. Он сразу вспомнил предсмертные часы матери, и это было ему неприятно.

– Что нахмурился, дружище? – наседали Герман. – Или твоя мутти перед смертью запретила играть с нами? И ты стал послушным сыночком в честь её памяти?

Янтарная масса полетела из кружки Курта в красную розу напротив. Герман отпрянул, и чуть было не упал назад через массивную дубовую скамью, на которой за столом сидели несколько человек.

– Ах ты, колдовское отродье! – заверещал он. – Ну, я тебе сейчас покажу!

С этими словами он выхватил из кармана черный револьвер системы «Манлихер». Все вскочили. Герман навел дуло прямо на сердце Курта и зловеще произнес:

– Или ты сейчас говоришь причину нежелания играть с нами в карты, или я сейчас всажу в тебя пулю!

Курт почувствовал внезапную слабость во всем теле. Темное отверстие, из которого могла вылететь Смерть, смотрело на него. Он поднял вверх левую руку, как бы защищаясь, и произнес:

– Всё! Всё... Хватит! Скажу!

Герман, опустив дуло револьвера на залитый пивом дубовый стол, процедил:

– Ну, давай. Кайся, грешник! – и мерзко захохотал, обнажив свои грязные зубы. Курт помолчал, сел на скамью.

– Меня мать перед смертью просила никогда больше не играть в карты с кем бы то ни было...

– Ха! Завещание вроде такое, да? – заржал Герман, и остальные приятели хмыкнули. – Ты что – своего мнения не имеешь? И кто ты после этого: мужчина или маменькин сынок? А? Предок твой, я слышал, совсем другим был!

Курт побледнел.

– Что ты слышал о моем предке? – с вызовом произнес он.

– Да разное болтали люди... – неопределенно протянул Герман, – но играл он в карты, говорят, отменно!

– И что, люди знали только о нём, как о игроке в карты? – продолжал Курт.

– Нет, не только, – Герман прищурил рыжеватые ресницы, – про него говорили, что сам дьявол помогал ему во время карточных игр.

– И как же они, эти люди определяли такое явление? – насмешливо проговорил Вебер. Он уже оправился от психологического шока и теперь хотел как можно больше выведать о своем загадочном предке.

– Ему невероятно везло! Не могли понять секрет его успеха! – откровенничал Герман. Немного помолчав, он поднял со стола массивную пивную кружку с темным напитком и, не останавливаясь, вылакал ее до конца. Крякнув, со стуком опустил кружку на стол и вытер ладонью рыжеватые усы.

– Хорош сегодня эль, свежий!

Он оглядел присутствующих взглядом, в котором сквозило некоторое превосходство, и продолжил.

– Ну, теперь расскажу, что я слышал от своего покойного отца...

Вся компания затихла и придвинулась ближе к Герману. Тот выдержал эффектную паузу и, повернув лицо к Курту, начал рассказ:

– Так вот. Мой отец воевал против лягушатников вместе с твоим в одной роте. Во время осады Парижа Бремер был тяжело ранен. Не повезло ему, так получилось, – Герман многозначительно помолчал и спросил. – А ты знаешь, куда был ранен твой отец?

– Нет, не знаю... – тихо ответил Курт, – мать мне не рассказывала.

– А я вот знаю! – воскликнул Герман и продолжил. – Он был ранен французской пулей в голову, и у него странным образом в бреду развязался язык. Он был скрытен, твой папаша, но когда бредил, мой услышал много интересного...

– Но это же подло! – воскликнул Бремер. – Воспользоваться таким состоянием раненого!

– А что ему оставалось делать? – возразил Герман. – Он дежурил ночью у постели твоего отца, все же они были друзьями, и умер твой фатер у него на руках...

– И что же он услышал такого? – послышался голос сбоку от рассказчика.

Герман помолчал, и, заговорщицки поманил пальцем окружающих поближе к себе. Все придвинулись.

– А он вспоминал, как твой дед быстро разбогател, невероятным образом обманывая людей и говорил, что тот ... – рассказчик сделал многозначительную паузу, и, наслаждаясь произведенным на слушателей эффектом, закончил громким свистящим шепотом. – Не дает ему никак умереть, хотя рана была такая, что любой другой скончался бы на его месте за одну минуту...

– Ну... и? – друзья ждали от Германа необыкновенного объяснения загадочной истории.

– Что «и»? – передразнил их Герман. – Когда мой папаша уже понял тайну предка Бремера, так с ним приключилась странная болезнь...

– Какая болезнь? – сразу воскликнули несколько голосов.

– Такая, – мрачно ответил Герман, – мой отец онемел, как будто получил контузию, причем именно тогда, когда хотел рассказать о тайне баварского отшельника. Сколько раз он порывался это сделать и язык словно деревенел! Тогда он брал в руки перо и пытался написать, но...

– Что, но? – с некоторым страхом спросил Курт.

– Перо сразу ломалось и только пачкало чернилами бумагу. Только один раз он сумел рассказать эту историю...

Все возбужденно зашевелились.

– Ну! Кому он рассказал?

– Один человек знает тайну твоего деда. Но он священник и не имеет права разглашать ее, сохраняя тайну исповеди.

– И кто он, этот священник? Где проповедует? – раздались голоса.

– Он пропове... – внезапно Герман схватился за горло и захрипел.

Все вскочили.

Герман с выпученными глазами оседал на пол. Его горло издавало булькающие звуки, лицо сначала побагровело, потом стало синим. Друзья закричали.

– Что с тобой? Тебе плохо? Лекаря сюда! Быстро!!

Из рта Германа потекла розовая пена. Он силился сказать что-то, его губы шевелились, но слов не было слышно. Курт Бремер наклонился над соседом:

– Что с тобой? Ты хочешь что-то сказать? Говори же! Ну!!

Он едва расслышал, как синеющие губы произнесли:

– Я забыл, что отец предупреждал меня, чтобы я не рассказывал никому эту историю... никому... никогда.

Голова Германа откинулась вбок. Сознание оставило его.

Глава 2

Курт Бремер, стоя перед мольбертом, писал картину. Мысли его все время возвращались к странному случаю в пивной. Герман не умер, вызванный его друзьями лекарь вовремя пустил больному кровь, и сумел засунуть в стынувший рот какое-то снадобье. Однако случилось нечто более странное, чем припадок Германа Райберга. Во-первых, он перестал узнавать кого-либо, как будто у него намертво отшибло память... Но не это было самым непонятным явлением. У всех друзей, присутствовавших за столом в этот памятный вечер, по ночам случалось невероятное. Им снился один и тот же страшный сон, как будто бы Герман со своим отцом поедают их конечности: руки и ноги, постепенно приближаясь в своем вожаденном, кровавом пиршестве к сердцу и голове.

Все просыпались, пугая страшными криками своих близких. Друзья не знали, что всем им снится этот кошмар, пока не собрались все вместе в той пивной примерно неделю спустя после случая с Райбергом.

– Что такой хмурый? И пиво даже не веселит? – спросил Курт Франца, обычно веселого малого, цирюльника по профессии.

– Да что веселиться? – мрачно ответил тот. – Сегодня в первый раз клиента порезал утром...

– Да ну!? – начали оживать друзья. – С тобою такое не могло приключиться! С утра пьяный, что ли был?

– Хуже чем пьяный, – потягивая пиво, процедил Франц.

– А что может быть хуже на работе, чем это? – улыбнулся Курт.

– Да не выходит никак из головы Герман этот со своей историей. И снится каждую ночь в каком-то кошмаре! – откровенно выкрикнул Франц.

За столом воцарилась мертвая тишина. Друзья, а их было четверо, переглянулись.

– И как он тебе снится? – настороженно спросил Курт.

– Как как! С папашей своим как будто меня поедает! – выдохнул Франц.

Все замерли. Франц удивленно посмотрел на вытянувшиеся лица собутыльников.

– И меня точно такой же сон мучает, – тихий шепот одного из них был подобен раскату грома.

Курт вздрогнул.

– И я это вижу во сне.

Все, как по команде, резко поднялись с дубовых стульев.

– Боже! Пресвятая Дева Мария! – прошептал Франц и перекрестился. – Выходит нас всех преследует одно и то же виденье! Я чувствую – не к добру это...

– В чем мы провинились? – выдохнул сосед Курта, булочник Ганс. На его округлой добродушной физиономии застыл страх. – Мы же вовремя вызвали лекаря и тот спас Герману жизнь, а? Так, друзья?

Курт обвел взглядом лица присутствующих:

– Я думаю, всё это связано с рассказом о моем гроссфатере. Ведь только мы слышали Германа. Здесь кроется какая-то тайна...

Друзья с напряженными лицами слушали Курта.

– Я очень хочу разгадать её. Поэтому... прости меня, мутти, – он поднял глаза к потолку, – я поеду к нотариусу.

– Зачем к нотариусу? – настороженно спросил Франц. – Мне кажется, нам всем нужно скорее идти к священнику!

– Это правильно, – согласился молодой художник, – давайте все завтра утром пойдем в церковь!

– Решено! – воскликнул Ганс. – Вот за это мы сейчас и выпьем!

И, обернувшись к прислуге, крикнул:

– Пять пива сюда! Да покрепче!

Впервые за вечер за столом друзей появилась улыбка. После посещения утренней молитвы, мучающие их сны как по команде прекратились.

Нотариус Карл Зельцер знал толк в своем деле. Он выжал из Курта Бремера почти все его деньги, прежде чем тот получил документы на наследство.

– Вы же понимаете, молодой человек, – скрипел Карл своим простуженным голосом, – сколько времени я усердно хранил ваши бумаги! И выполнил волю старшего Бремера! Вот сейчас, в день вашего совершеннолетия, слава Всевышнему! – сухонький старичок молитвенно сложил ладони и притворно-раболепно устремил взгляд на потолок. – Вы получаете из моих рук свое прекрасное будущее! И не надо скупиться, отблагодарите нотариуса, как следует!

Курт склонился над столом, внимательно рассматривая документы. Он, не спеша, читал каждую строчку, иногда возвращаясь назад в начало предложения, чтобы точно понять смысл написанного. Гроссфатер весьма своеобразно излагал свое завещание.

– А вот здесь, как понимать слова моего дедушки? – поднял глаза на нотариуса наследник.

– Где? В каком месте, молодой человек? – услужливо сгорбился над бумагами Зельцер.

– В конце, вот здесь, где написано: «Наследник мой имеет Много, но Мало с тем, что Отпечаток в Темноте дает «... – продекламировал вслух Курт и удивленно посмотрел на старика.

Тот водрузил на глаза пенсне и, жуя губами, вчитался в текст.

– Да... – протянул он озадаченно, – ваш гроссфатер был большой оригинал. Если честно, молодой человек, я, быть может, и подзабыл что, но он не разъяснял мне смысла этой фразы... гмм... да-с.

– Какой такой отпечаток? – задумчиво проговорил Курт – И почему в темноте? Странно...

– Не утруждайте себя размышлениями, молодой человек! – мелкие грязноватые зубы нотариуса раздвинулись в широкой улыбке. – Вступайте в наследство и радуйтесь жизни!

– Хорошо! – Курт поднялся и взял документы. – А вы ничего не забыли мне дать, господин Зельцер? – он пытливо заглянул в бегающие глазки хранителя бумаг.

– Ах да! Ключи от замка оставлял мне ваш гроссфатер, как же я забыл, да, старею, знаете ли, старею... Вот только... эээ... – проблеял нотариус.

– Что только? – насупился Курт.

– Ну... возместите мне расходы. Я эти ключики протирал керосином, чтобы не ржавели, хранил их, как зеницу ока... столько лет.

Курт Бремер вздохнул и вытащил из кармана последние марки.

– Вот, возьмите! Лучше бы вы не протирали их, а знали смысл каждой фразы в завещании!

– Данке, данке – закивал головой Зельцер и полез по лестнице на верх полки, где недавно лежала папка с документами Бремера. Достав огромную связку звенящих ключей, он спустился вниз и с облегчением произнес:

– Ну, вот и всё! Мы с вами в полном расчете! Надеюсь, теперь мои сны будут гораздо приятнее...

Вскоре Курт покинул родную Саксонию. Перед поездкой в родовое гнездо он сумел скопить немного денег, усердно работая кистью. В последнее время после случая с одинаковыми сновидениями художник частенько навещал местный собор, и библейская тема все больше и больше присутствовала в его картинах.

Пастор Генрих Готвальд с интересом наблюдал за молодым человеком, который задумчиво водил кистью по холсту, примостившись недалеко от парадного входа в церковь. Служба закончилась, и прихожане уже как полчаса назад разошлись по домам. Яркое весеннее солнце сверкало отблесками в многочисленных лужах, весело щебетали птицы, и жизнь в этом небольшом саксонском городишке шла по своей спокойно-накатанной колее.

Готвальд подошел поближе к художнику. Тот, увидев священника, приподнял голову и, улыбнувшись ему, продолжил свое занятие.

– Рисуете городской пейзаж, молодой человек? – пастор заглянул через плечо художника и осекся...

– Нет, святой отец, я сегодня решил экспериментировать! – ответил Курт, старательно выводя в характерном «бремерском» стиле сложный мазок.

Генрих Готвальд молча смотрел на картину. Он в эту секунду знал, что уже где-то видел её, но никак не мог собраться и вспомнить – где же именно?

Курт бросил быстрый взгляд на пастора. Художник уже заметил недоуменно-удивленное выражение лица священника, когда тот увидел нарисованный им сюжет.

Картина была прекрасна. На ней изображалась Пресвятая Дева Мария, протягивающая с Небес руку помощи падающим в Бездну душам. Лицо Святой было непередаваемо добрым и в то же время одновременно строгим в своей неповторимости. Она бережно поддерживала заблудших в этой жизни и, как будто бы обращаясь к Создателю, молила о Прощении для них.

Пастор, потрясенный, несколько минут молча стоял возле художника, не сводя глаз с картины...

– Что-то не так, святой отец? – дружелюбно спросил Курт, прекратив на минуту работу.

– Нет, наоборот, твоя картина великолепна, сын мой, – ответил Готвальд, – только скажи мне, что побудило тебя написать сие творение?

Курт улыбнулся:

– А я и сам не знаю – почему сегодня начал эту тему. Как будто кто-то водит кистью за меня... Мне, падре, видится именно такой Святая Мария, доброй и строгой, защищающей нас и предостерегающей от грехопадения. Верно?

Священник поднял правую руку и перекрестил художника:

– Истинно так, сын мой! Да пребудет в тебе вдохновение, посылаемое Свыше и чистые помыслы Божьи претворятся в прекрасных картинах твоих!

Курт с благодарностью наклонил голову и произнес:

– Спасибо, святой отец! Я рад, что вам так понравилось мое полотно...

– А как ты назовешь эту картину?

Живописец отошел на два шага от мольберта и окинул взглядом свое творение. Он как будто впервые любовался им. Яркое солнце отражалось своими бесчисленными лучами от неповторимых мазков художника, и картина светилась теплым разноцветьем, отдаленно напоминающим искусно выполненные церковные витражи.

– Она будет называться «Рука Марии», святой отец! – удовлетворенно воскликнул Курт. Он весь светился от радостного возбуждения...

Генрих Готвальд медленно шел домой. Он рассеянно кивал на приветствия проходивших мимо горожан и так глубоко задумался, что прошел мимо собственного дома. Священник мучительно вспоминал – где же он видел сюжет картины художника? И только поздно вечером, ложась спать, он, наконец, вспомнил. Генрих был так впечатлен исповедью одного прихожанина, вернувшегося с войны, что после нее по ночам преследовали мучительные, страшные явления. И этот сон с Пресвятой Девой Марией был словно долгожданным освобождением для его мятущейся души...

Курт Бремер вздохнул и встал со стула из черного дерева. Он помнил наказ матери перед ее смертью. Однако желающих купить этот огромный замок не находилось. Лишь однажды приехал какой-то незнакомец, маленький, с длинным горбатым носом, черноволосый, похожий то ли на цыгана, то ли на еврея человек; походив по владениям Курта, он внимательно всё осмотрел, цокал языком, что-то бормоча себе под нос, но, в конце концов, так и удалился, ничего не пообещав удрученному художнику.

Накопления Бремера стремительно таяли. Он привез с собою из Саксонии с десяток картин и не смог пока продать ни одной. Местные жители с опаской и недоверием отнеслись к молодому хозяину таинственного замка, который находился в некотором отдалении от скопления красных черепичных крыш. Когда Курт поднимался на самый верх своих остроконечных башен, весь небольшой городок внизу лежал перед ним, как на ладони. Он был чуть больше, и даже красивей, чем его родное местечко в Саксонии. Но там остались друзья, и Курт скучал по ним. Он надеялся вернуться назад с хорошими деньгами от продажи замка и тогда уже осуществить свою мечту об учебе в Кёльнском университете.

А здесь художник никак не мог даже подружиться с кем-то. Молва о приехавшем наследнике быстро облетела весь город и стала на целую неделю предметом шушуканья местных жителей.

Когда Курт вечерами заходил в полуподвал большой пивной, все оборачивались на него, и как по команде в задымленном зале наступала тишина. Художник подходил к свободному столу, сопровождаемый многочисленными взглядами, заказывал кружку доброго баварского пива и, не спеша, потягивал ароматный напиток.

За его стол никто не садился.

Однажды слегка захмелевшему Курту надоело это холодное отношение горожан, и он с досадой воскликнул, опустив на стол с громким стуком пустую кружку.

– Ну что за люди здесь живут! Не с кем даже словом перекинуться!

Людской гул в мгновение ока смолк. Все обернулись на Бремера и ждали, что же он скажет дальше. Курт не унимался.

– Кто сядет за мой стол и выпьет хотя бы кружку пива? А? Или у вас тут так принято относиться к приезжим?

Все молчали.

– Я Курт Бремер из Саксонии! Художник по профессии, который никому в жизни не причинил никакого вреда! Почему со мной никто не разговаривает? Ответьте мне, будьте так добры!

В углу большого зала послышался небольшой шум. Пожилой баварец с пышной седой бородой, отодвинув стул, поднялся и подошел к Курту:

– Ты, быть может, и не причинил, – слегка наклонился он, опираясь ладонями на стол, – а вот твой предок нам надолго запомнится, гори он в аду вечным пламенем!

Курт побледнел.

– Что же он такого натворил здесь? – воскликнул он с гневом. – Почему все говорят об этом загадками? И никто толком не объяснит мне, в чем его вина?

– А разве твои родители не рассказывали тебе об этом? – спросил седебородый.

– Нет! Мой отец погиб на фронте, когда мне было полтора года, а мать так и ничего не говорила про грессфатера...

– Ну и хорошо! – выпрямился пожилой баварец. – Лучше не знать тебе про это!

Курт от злости сжал кулаки и, чуть было, не кинулся вслед уходящему старику, как сбоку его тихо окликнул молодой черноволосый человек:

– Не кипятись, саксонец! Ты, я слышал, художник? Да?

Курт с облегчением повернулся к парню:

– Да. А откуда ты знаешь это?

– Так рассказывали, что ты картины свои привез и пытаешься их продать. Я, кстати, тоже художник.

Курт впервые за долгое время улыбнулся:

– Ну, наконец-то встретил здесь родственную душу! Можно я сяду за твой стол?

– Садись, – черноволосый парень подвинулся на скамье, уступая Бремеру место.

– Два пива, кельнер! – радостно крикнул Курт в глубину зала.

В зале зашумели. Из отрывков многочисленных реплик ухо саксонца отчетливо выхватило чье-то странное замечание.

– Ну вот, наш художник Ад дождался родственничка служителя ада! Достойная пара друзей!

Курт Бремер, пошатываясь от выпитого пива, брел к своему замку. Яркая ночная луна освещала узкую тропинку, полого поднимающуюся по склону вверх. Причудливые очертания больших деревьев были неестественно желтого цвета, совсем другие, нежели днем, при ярком солнечном свете, и Курту в эту минуту казалось, что он идет по совершенно другой дороге.

– И что я сегодня так напился? – бормотал он с глуповатой ухмылкой на лице, – ноги как будто ватные стали... а еще идти вверх с полкилометра... ох!

Курт взмахнул руками и неуклюже завалился на бок. Секундой раньше его левая нога соскользнула с края тропинки и поехала по мокрой глине вниз. Художник не удержался на ногах и упал в темноту. Спустя некоторое время он огляделся и понял, что находится в глубокой яме и лишь ее верхние края, до которых было добрых четыре метра, освещаются лунным светом. Курт с досады стукнул кулаком о земляную стенку.

– Проклятие! Что за ловушки здесь вырыли около тропинки! Сколько раз проходил днем здесь и не замечал этой ямы!

Он попытался полезть вверх, сбивая в кровь пальцы, башмаками выдалбливая небольшие уступы в твердом грунте, но тщетно. Каждый раз Курт с проклятиями сваливался вниз вместе с комьями осыпающейся земли. Через полчаса он выбился из сил и в изнеможении лег на дне ямы. Огромная луна красноватого цвета заглядывала сверху, словно любопытствуя: что же делает здесь ночью измазанный грязью человек?

Курт вытер ладонью пот, заливавший глаза, и едва приподнялся на колени, чтобы продолжить попытки освобождения, как внезапно услышал леденящий душу звук. Он был похож на протяжный вой волчицы, но художник никогда прежде не слышал подобного. Вой то приближался, то отдалялся от Курта, как будто кто-то невидимый с огромной скоростью перемещался вокруг злополучной ямы. Внутри художника все замерло. Жуткая тоска накатила на его душу, невыносимая, неизведанная ранее. Ему захотелось немедленно покинуть негостеприимную Баварию, бросив всё, вернуться в свой родной городок, к солнцу, к друзьям, и снова писать картину рядом с удивительно красивой церковью.

Но спустя несколько минут вой стих и у Курта немного отлегло от сердца. Он снял свой башмак и принялся им выбивать очередной уступ на отвесной стене. Грунт с трудом поддавался напору и за четверть часа Бремер лишь на несколько сантиметров углубил маленькую ямку.

Вдруг на голову Курта внезапно упала ветка. Он удивленно поднял голову вверх, и увиденное едва не лишило его сознания. На краю ямы стоял огромный волк. Его сверкающие зеленым цветом глаза, не мигая, смотрели на художника. В большой красной пасти волк держал ствол сосны несколько метров длиной. Курт ошарашено заскреб пальцами по стенкам ямы, инстинктивно от страха пытаясь вжаться внутрь. Волк мотнул головой, и дерево своим толстым концом со стуком приземлилось у ног Бремера. Никакая сила не заставила бы художника полезть наверх в эту минуту. Но волк, словно почуяв настроение человека, повернулся и исчез,

клацнув на прощание зубами, и, как явственно показалось Курту, с каким-то немислимо веселым выражением на его огромной серой морде.

Курт перекрестился. Его сердце забилося с огромной быстротой, и одежда стала мокрой от выступившего пота. Через минут десять вой повторился, но уже очень далеко от ямы, смутно и глухо, как бы призывая Курта не бояться, и вылезать из заточения.

– Боже милостивый! Святая Дева! Помогите мне, не оставьте меня! – прошептал художник, и, поставив поудобнее сосновый ствол, полез наверх.

Через минуту он был на свободе. Близился рассвет. Бремер, у которого хмель испарился, словно утренний туман, почти бегом направился к своему замку, внимательно смотря себе под ноги. Примерно сто шагов оставалось до заветных ворот, когда он увидел блеснувшие в лесной чаще два зеленых огня. Курт резко остановился, словно наткнувшись на невидимое препятствие. Глаза волка, не двигаясь, внимательно наблюдали за ним. Помертвевший художник осенил себя крестным знаменiem:

– Сгинь! Сгинь нечистый! Пресвятая Дева – заступись за меня!

Зеленые огни моментально потухли и художник, подняв голову к светлеющему небу, дабы поблагодарить Заступницу, увидел, как большая звезда, сверкавшая прямо над шпилем его замка, внезапно сорвалась вниз тонкой светящейся ниткой и медленно опустилась за горизонтом темного леса.

Глава 3

Курт, в который раз доставал из стола завещание своего предка и заново перечитывал пожелтевшие страницы. Он уже почти наизусть помнил весь текст. И только два места в нём оставались совершенно непонятными для разума. Первое, которое отметил художник еще у нотариуса Карла Зельцера: «Наследник мой имеет Много, но Мало с тем, что Отпечаток в Темноте дает».

И потом уже, у себя дома Курт разглядел в самом конце завещания строчку из очень маленьких букв и, судя по почерку, принадлежащую руке совсем другого писаря. Надпись гласила: «На мне найдется ценность эта, и лишь огонь один раздует до содроганий Мира от Посланника её. Ignis. Quere et invenies».

Последние слова, написанные по латыни, были непонятны Бремеру.

– Что же такое таится здесь? – вслух спросил себя наследник, и раскатистое эхо разнесло отзвуки вопроса по отдаленным уголкам огромного зала на первом этаже замка – здесь ...есь ...есь ...есь ...есь ...есь ...есь ...есь ...есь ...

Курт невольно поежился. Он никак не мог привыкнуть после скромного саксонского жилища к таким большим апартаментам. Иногда ему казалось, что кто-то невидимый пристально наблюдает за ним из темного угла, внимательно ловит каждое его слово, и преследует, держась на почтительном отдалении. Происшествие с падением в яму-ловушку и последующее чудесное освобождение с помощью ствола сосны, брошенным вниз таинственным и страшным существом, похожим на волка, сильно подействовало на художника. Он больше ни разу не ходил по этой тропинке в позднее время, а на следующий день, после обеда Курт явился к злосчастному месту, захватив с собой лопату. Обливаясь потом, Бремер в течение двух часов старательно забрасывал эту яму землей. И только тогда Курт успокоился, когда попавший в нее человек мог легко вылезти наверх, облокотившись руками о края.

Одиночество угнетало его. Кроме нескольких коротких встреч в пивной с молодым черноволосым художником, который окликался на странное прозвище «Ад», никаких новых контактов с людьми у Курта по-прежнему не было. Каждый раз перед походом в пивную Курт брал с собой несколько картин и выставлял их на центральной площади города. Прохожие с любопытством разглядывали их, втихомолку обмениваясь мнениями, но, к отчаянию Бремера, не покупали их. Когда начинало вечереть, понурый Курт связывал полотна вместе и бережно нес их обратно в замок. Так прошло несколько недель, и художник уже подумывал о том, чтобы запереть свое огромное жилище и вернуться в Саксонию.

Но случилось непредвиденное.

Утром августовского дня Курт спустился после сна вниз позавтракать, как издали внезапно увидел, что картины, стоявшие рядом с большим камином, повреждены. Он стремительно подбежал к своим полотнам и принялся лихорадочно перебирать их, рассматривая страшные рваные раны, то тут, то там зияющие пустотами на холстах.

Художник был в отчаянии. Из десяти картин целой осталась только две – «Рука Марии», написанная Бремером в тот памятный весенний день около церкви, и «Баварский пейзаж», где был изображен замок Курта, возвышающийся на фоне красных крыш городка.

– Крысы! – застонал Курт, внезапно услышав где-то внутри камина характерное поскрёбывание и писк этих тварей. – Вы сожрали мои работы!

Он схватил большое деревянное полено и с ненавистью запустил в сторону доносящихся звуков. Писк и скрежет прекратился. В полной тишине Курт подошел к камину и, наклонившись, заглянул внутрь его.

Он отшатнулся.

На небольшом кирпичном выступе сидела огромная крыса и немигающим взглядом смотрела на хозяина замка. Для неё он был врагом, пришельцем, потревожившим её размеренный быт в пустующем пространстве. И видимо, поэтому эта тварь погрызла принадлежащие противнику вещи. Рука Курта машинально нащупала длинную металлическую кочергу, лежавшую на полу. Крыса не шевелилась. Молниеносный выпад хозяина замка прошел в сантиметре от ее головы. К изумлению Курта серая длиннохвостая тварь оставалась спокойной.

– Надо же... не бояться, – тихо прошептали губы художника, и холодок недоброго предчувствия пробежал по его спине. Но отступать было нельзя. Бремеру надо было показать, кто является хозяином в этом большом доме.

– Сейчас, гадина, я тебе дам! – пробормотал он, быстрым шагом отправляясь в чулан. Там он достал большую бутылку с керосином, обмотал конец кочерги тряпкой, потом смочил ее огнеопасной жидкостью и поджег. С этим горящим факелом Курт стремительно подбежал к камину и сунул его внутрь. Крыса злобно взвизгнула, пулей вылетела прочь, растворившись в темном углу зала. Художник взял две оставшиеся картины и поставил их рядом со своей кроватью в спальне.

Ночью его разбудил странный звук. Курт открыл глаза и понял – он в комнате не один. Звук, отдаленно похожий на чавканье, раздавался рядом. Бремер тихонько привстал, потянулся к небольшому столику, стоявшему у изголовья кровати, чиркнул спичкой и зажег большую свечу. Увиденное повергло художника в ужас. Знакомая крыса, деловито пристроившись на холсте картины «Баварский пейзаж», острыми зубами поедала высокие шпилы наследного замка. Курт стремительным движением ткнул пламенем свечи в бок незваной гостье. Шкура крысы зашипела, раздался визг, свеча сломалась пополам, и Курт в темноте упал рядом с картиной. Быстро вскочив на ноги, наследник зажег другую свечу, а от нее – еще несколько, торчавших в подсвечниках у стен. В спальне стало светло. Курт осмотрелся. Крысы нигде не было видно. Бремер подошел к картинам и наклонился. Полотно «Баварский пейзаж» было безнадежно испорчено. Художник сел на кровать и обхватил голову руками – он только закончил эту картину и надеялся завтра продать ее на городской площади.

Так он просидел в задумчивости до самого утра. Лучи солнца своими золотистыми потоками медленно заползали внутрь через высокие окна спальни. Предчувствие какого-то неотвратимо надвигающегося события не покидало душу Бремера. Природное человеческое любопытство автоматически заставляло его мозг постоянно работать над разгадкой тайны, зашифрованной в завещании гротесктера. Но в эту минуту Курт и не предполагал, что очень близок к своей цели.

Картину «Рука Марии» надо было срочно спасать. Курт внимательно осмотрел свою спальню и нашел маленькое отверстие в полу, через которую и проникла серая тварь. Художник тщательным образом заделал эту дыру глиной, смоченной в особом растворе. И все же эта мера показалась ему недостаточной. Курт принес в спальню высокую лестницу, и, взобравшись по ней, поместил картину на широкое углубление большого окна, так, что она своим верхом была прислонена к стеклу.

В эту ночь он долго не мог уснуть, прислушиваясь к шорохам и звукам, которые время от времени раздавались в его замке. Лишь под утро, в час Быка, веки Курта сомкнулись, и он провалился в тревожный сон. Ему грезился старый Бремер, который почему-то сначала строго смотрел на него со своего большого портрета, а потом внезапно отделился от собаки, замершей в ожидании приказа у ног хозяина и шагнул навстречу своему внуку.

– Ну что же ты, Курт, все ищешь в моем замке? – голос предка далеким эхом доносился до сознания художника. – А никак ничего не найдешь?

И зловеще засмеялся.

– Ха-ха-ха-ха-ха, а я то посообразительнее тебя был в молодости! И крысы мои картины не трогали! Не там ты хранишь свое богатство, Курт, не там...

Вдруг собака, изображенная на картине, неожиданно стала уменьшаться в размерах и на глазах превращаться в серую крысу. Она стремительно подбежала к Курту и полезла по его одежде вверх. Хозяин замка замахал руками, стараясь стряхнуть незваную гостью, но та цепко держалась на ткани. При этом раздавался звук раздираемого полотна...

Курт в холодном поту подскочил на кровати. Едва заметный рассвет теснил полумрак его спальни. Художник зажег свечу и заметил тень, метнувшуюся на широком подоконнике.

«Крыса здесь!! – молнией пронеслось в мозгу Бремера. – И она полезла к моей лучшей картине!»

Курт стремительно подбежал к лестнице, схватил ее и приставил рядом с окном, на котором стояла «Рука Марии». Он вскарабкался вверх с подсвечником в руке и свободной рукой откинул верх полотна. Почти одновременно с этим он увидел серую молнию, летящую ему прямо в лицо. Крыса атаковала художника. Он инстинктивно отпрянул назад, но не рассчитал этого движения и в следующую секунду понял, что падает навзничь с большой высоты на каменный пол спальни.

«Неужели так просто и глупо?» – успел подумать Курт, приготовившись к самому худшему.

Но случилось необъяснимое. Как будто чья-то невидимая рука бережно подхватила его сзади за спину и осторожно направила падающее тело на мягкую перину постели. По всем законам физики Курт должен был с ужасной силой грохнуться метрах в трех от своей кровати. Он недоуменно уставился на высокий потолок, когда его тело с комфортом устроилось на чуть отброшенном в сторону одеяле.

– Боже мой! Я спасен! – непроизвольно вырвалось из груди художника это восклицание. Он посмотрел по сторонам и увидел подсвечник, лежащий на полу на довольно далеком расстоянии.

– Как? Что же спасло меня? – продолжал рассуждать вслух молодой Бремер. – И этот сон... как будто кто подталкивает меня... к чему только? И где эта серая тварь?

Курт снова поднялся с постели и быстро осмотрел спальню. Теперь он увидел другое отверстие рядом с дверью.

– Шайзе! – впервые за долгое время выругался художник. – Я найду и убью тебя!

Рассветало.

Взгляд Курта непроизвольно поднялся вверх, к окну. Святая Мария по-прежнему ласково смотрела на него, простирая свою руку в направлении лестницы, с которой только что падал автор картины. Взгляд Богоматери излучал то небесное тепло, которое свойственно только Ей одной, в полотнах совершенно разных художников, как будто бы их руками водил один и тот же Небесный Творец, помогая создавать этот незабываемый образ. Утренние лучи солнца, падающие из других окон, золотыми отблесками играли на маслянистой поверхности холста. Курт испытывал в эту минуту то редкостное ощущение восторженно-нежной любви к своему детищу, которое иногда посещает авторов шедевра, когда они видят и чувствуют какие-то новые, доселе скрытые, таинственные грани его.

Художник сложил ладони вместе, приставил их к груди и закрыл глаза. Его губы шептали благодарственную молитву Всевышнему за удивительное спасение, и с каждой секундой Курт все больше и больше верил в то, что именно рука Божьей Матери поддержала его падающее навзничь тело и переместила на мягкую постель.

Закончив молитву, Бремер сел на кресло и стал размышлять о случившемся. Он вспомнил отчетливый, странный сон, приснившийся ему в эту ночь, все слова бывшего хозяина замка.

«Не там ты хранишь свое сокровище... не там, а где же тогда? Крысы мои картины не трогали... не трогали... почему? Быть может... потому что они не могли туда пробраться? А куда? Так туда же, где висит огромный портрет деда! Точно!»

Курт порывисто встал, осененный внезапной догадкой. Вот надо что сделать! Свою картину повесить в надежное место, в ту большую округлую комнату на вершине башни. На место дедовского портрета! Туда вряд ли добираются крысы!

Наследник вспомнил толстые каменные стены и тяжелую дверь, обитую металлом, которая плотно, без единой щели прилегалa к черной раме из железа. А старую картину оттуда снять, и быть может, попробовать ее продать за хорошую цену? Интересно, кто писал этот портрет? – так думал Курт, убирая свою постель.

Бремер спустился вниз, в столовую и скромно позавтракал остатками своей вечерней трапезы. Нужно было опять идти в город, чтобы что-то купить себе из съестного. Курт печально вздохнул. И хотя он экономил на всем, запас денег стремительно таял.

«Неужели придется искать себе здесь работу? Это так нелегко, меня мало кто знает... – невесело думал художник, доедая рыбную похлебку, – и насколько далеко отодвинулась от меня мечта об учебе в Кёльне. Попробую снова нарисовать пейзаж этого замка вместе с видом города и продать его за столько, сколько дадут. Но сначала надо убрать мою любимую картину в надежное место».

Слегка утолив голод, Бремер поднялся наверх. Он тщательно осмотрел круглую комнату, на коленках прополз по всем ее углам и не нашел ничего того, что отдаленно напоминало бы о маленьком отверстии, ведущим наружу.

– Отлично! – воскликнул повеселевший Курт. – Сюда даже и муха не пролетит, не говоря уже о крысе!

Он опять вспомнил эту мерзкую тварь и вздрогнул, словно вновь почувствовав спиной раскрывающуюся бездну падения. Художник никогда в жизни не испытывал подобного состояния – причастности к какой-то сверхъестественной тайне, которая избрала именно его, Курта Бремера, под свет своей звезды, и неуловимое шестое чувство подсказывало нашему герою, что разгадка бродит совсем рядом, близко и она необыкновенна по своей сути и величию.

Курт подошел к большой шторе и отдернул ее. Предок сурово смотрел на наследника недвижимым взглядом, словно укоряя его в чем-то неуловимо понятном только ему одному. Сходство двух владельцев замка: нынешнего и бывшего было несомненным; те же волосы, лоб, скулы, характерная линия носа, и только выражение глаз было разным: мягкое у Курта и холодное, презрительное гротесктера заметно отличались друг от друга.

Снять картину без лестницы было делом невозможным, и художник спустился опять в свою спальню. Там он осторожно поднялся к окну и бережно опустил «Руку Марии» вниз, поставив ее у изголовья кровати. С трудом протащив деревянную лестницу по каменным ступенькам замка, Бремер, запыхавшись, занес ее в округлую комнату. Портрет деда висел на вбитом крюке метрах в трех от пола. Курт приставил лестницу и осторожно полез наверх. Как только он взялся широко расставленными руками за края картины, так внезапно ощутил явственный толчок в грудь. Последнее, что увидел молодой Бремер в этот памятный день, так это глаза своего гротесктера, не холодно неподвижные, а злорадно улыбающиеся, словно именно он своей застывшей в Вечности рукой толкнул наследника с лестницы. На этот раз Курта не поддержала невидимая длань Святой Марии. Он упал навзничь с двухметровой высоты, ударился затылком об отполированные плиты каменного пола и потерял сознание.

Когда художник открыл глаза, он ничего не увидел, кроме сплошной темноты. Рука непроизвольно скользнула к затылку, и пальцы ощутили липкие волосы, смоченные собственной кровью.

«Где я? Неужели уже в другом мире? Именно так выглядит смерть – темнота и боль? Кто меня толкнул в грудь?»

Курт ощупал свое тело. Все на месте: одежда, башмаки и холодный пол под ним. Он повернул голову и вдруг увидел светящийся предмет. Он маленьким серебристым пятном

резко выделялся на фоне сплошной черноты. Художник оперся на руку и поднялся. Он сделал два шага к направлению предмета и наткнулся на низ деревянной лестницы.

«Так... Значит, я по-прежнему нахожусь в круглой комнате... Но что же это так сильно светит в темноте?»

Он протянул руку к загадочному предмету и не достал до него.

«Надо опять лезть наверх... А, быть может, уйти отсюда? Из этой зловещей комнаты, вообще из моего наследного замка? Не нравится мне все это... не нравится».

Но любопытство взяло вверх. Курт поднялся на несколько ступенек и дотронулся до света. И тут его осенило: это же на портрете предка так горит какой-то предмет на кисти левой руки! Молодой наследник провел ладонью по холсту и ощутил явственный бугорок именно в этом светящемся месте...

– Здесь что-то замуровано на картине! – вслух произнес Бремер, и его слова эхом разнеслись по комнате. – И это что-то светится!

Боль опять молнией пронзила голову Курта, и он застонал. Это придало решительности художнику. Он быстрым движением вытащил из бокового кармана куртки складной нож, и, расправив его, с треском полоснул лезвием по холсту. Светящийся предмет закачался на разрезанной картине. Курт опять резанул ножом чуть выше его, и что-то со стуком упало на каменный пол. Художник быстро слез вниз и, взяв в руку загадочный предмет, поднес его к своим глазам.

Это был большой старинный перстень серебристого цвета с каким-то непонятным светящимся знаком в центре. Курт несколько минут вертел его перед собой, внимательно рассматривая находку с разных сторон. Затем, положив перстень в карман, открыл массивную дверь округлой комнаты и медленно спустился по ступенькам в свою спальню.

Курт Бремер смочил водой чистую тряпку и приложил ее к голове. Он омыл болезненную рану, потом смазал её специальным лекарством, которое еще давно научила его делать мать и ему стало полегче. Художник прилег на кровать и закрыл глаза. Происшедшее не давало ему покоя.

«Почему я упал там, в башне?» – думал он, вспоминая все подробности дня, – как будто с портрета гроссфатер толкнул меня рукой... Но как? Этого же не может быть! Или опять крыса? Ведь я ее не видел! Загадка...»

Мысли Курта опять вернулись к таинственному завещанию.

– Про какой отпечаток там могла идти речь? – громко воскликнул наследник, в уже следующую секунду ощущая молнией пронзившую его догадку. – Неужели про тот, в самом низу бумаги, где вместе с четкими контурами фамильного герба дед оставил круглый отпечаток пальца, но явно не большого, а скорее – среднего! Так! А на каком пальце у портрета я нашел перстень? На среднем, левой руки... И что же? Это совпадение? Не знаю...

Курт повернул голову и увидел рядом с собой мягкую улыбку Мадонны. Святая Мария кротко смотрела на него, и куда бы ни отошел любующийся полотном человек, взгляд Божьей Матери все равно, как будто сопровождал его. Художник с любовью погладил рукой рамку своего творения.

«Трудно простому смертному докопаться до тайн бытия. Воображение наше ограничено, и мы лишь отдаленно можем догадываться о великих возможностях Вечности. Вот Ты, Божья Мать, конечно, знаешь разгадку завещания деда и странностей последних дней, мой ангел, вероятно, тоже все видит с Небес. Но как теперь поступить мне? Где правильный путь? Уехать отсюда навсегда или остаться? Я не знаю... Как увидеть знак свыше, подсказывающий верное решение?»

Мария молчала. В спальне было тихо и лишь едва слышное потрескивание свечей нарушало этот покой. Курт машинально вытащил перстень из кармана и опять стал вертеть его

перед глазами. Он внимательнее всмотрелся в светящийся знак и теперь отчетливо увидел две большие буквы на нем: I и Q. Между ними стояла едва заметная крохотная точка.

– I. Q – это не инициалы моего деда. Что же тогда значат эти две буквы? – прошептал Бремер.

Размышления его прервал характерный звук в углу комнаты.

«Опять эта серая тварь сюда лезет... Как же мне избавиться от крысы?» —

Он стал бояться ее. После неожиданной атаки с подоконника художник со страхом вспоминал свое падение на пол. И вот теперь она снова упорно рвется в спальню хозяина замка. Курт, замерев, прислушивался к скрежету зубов незваной гостьи. Сверлящий звук проникал в самую душу, отзываясь там почти что зубной болью, горестным бессилием перед серой тварью, передвигающейся с огромной скоростью по замку. Через несколько минут скрежет прекратился, и Курт в звенящей тишине слышал шелест крысиных лапок по поверхности пола. Он машинально подобрал ноги вверх на постель и, решив освободить руки для того, чтобы поднять картину с пола на кровать, машинально надел перстень на средний палец левой руки...

Чудовищная перемена за доли секунды захлестнула его сущность. Курт ощутил такой дикий прилив ярости и ненависти к серому зверьку, что его кровь как будто закипела внутри вен, так, как бурлит вода в котле над сильным пламенем костра. Художник стремительно соскочил с кровати и тотчас заметил крысу, с любопытством поднявшую свою мордочку с двумя бусинками глаз в сторону человека. Молниеносным, невероятным прыжком Курт в мгновение ока оказался рядом с крысой и схватил ее руками. В следующую секунду Бремер с яростью ударил незваную гостью о каменный пол с такой огромной силой, что тело животного было буквально расплющено пополам. Брызнула кровь, и крыса отчаянно завизжала. Курт бил по отполированной плитке серенькое тело и с силой вдавливал при этом его, поворачивая в разные стороны. Через полминуты внутренности крысы стали разлетаться в разные стороны. Пол окрасился кровью, и руки Бремера по локоть были тоже красного цвета. Он остановился, увидев перед собой бесформенный, безжизненный кусок мяса. Внезапно в голову молодого человека пришла дикая мысль – слизать языком всю кровь с пола и с рук. Усилием воли Курт подавил это чудовищное для него желание и тут же, обернувшись на картину «Рука Марии», стал бороться с другим нестерпимым зудом. Как будто кто-то толкал его вперед, шепча на ухо: «Разорви и это полотно! Убей ЕЁ! Поломай ногами эти рамы! Смешай с кровью крысы изображение Мадонны!»

Курт уже было, сделал два шага к своему творению, как поскользнулся о разбросанные внутренности крысы и снова упал на холодный пол, в который уже раз за сутки. На этот раз художник не потерял сознание, хотя снова больно ударился всем телом. Словно брошенный ниоткуда, невидимый импульс, исходящий из глаз Святой Марии прямо к его сердцу в мгновение подсказал шестому чувству Курта правильное решение. Он потянулся рукой к перстню, резким движением сорвал серебряное украшение со среднего пальца и бросил его на пол.

Курт полубезумным взглядом обвел свою спальню. Он как будто бы очнулся от кошмарного сна, его тотчас затошнило. Бремер вскочил на ноги и, зажав рот тыльной стороной ладони, бросился из комнаты вниз. Едва успев выскочить из каминного зала на улицу, художник скорчился в рвотных судорогах перед небольшой ямой за кустами. Его выворачивало наизнанку, и он несколько минут не мог остановить это ужасное извержение организма.

Отдышавшись, Курт медленно отошел в сторону и припал на колених перед аккуратным прудиком с чистой водой. Он протянул вперед руки, чтобы зачерпнуть из него и умыться, как вдруг в зеркальной глади перед ним возникло его отражение. Ночная луна светила настолько сильно, что Бремер явственно увидел свое осунувшееся лицо, растрепанные волосы, глаза, пугающе незнакомые, ставшие как будто больше и темнее обычного. Внезапно где-то неподалеку раздался знакомый Курту ужасный вой. Даже в воде было заметно, как мгновенно побледнело лицо художника. Бремер вскочил на ноги и побежал обратно в замок. Он отчетливо слы-

шал сзади треск деревьев и стремительно приближающееся завывание. Страх накрывал спину Курта липкой пеленой пота, ему казалось, что вот вот, еще секунда и страшные клыки зверя, чем-то похожего на волка, вопьются ему в спину. Молодой человек прыжками долетел до заветной двери и быстро скользнул внутрь.

Обернувшись, он резко задвинул железный засов и, тяжело дыша, с облегчением прислонился к спасительной преграде.

Это уже было слишком для впечатлительной натуры художника. Курт с трудом добрал до винного подвала и, вытащив из стройного ряда дедовых запасов большую бутылку крепкого бургундского, за несколько минут осушил её содержимое. Страх немного отступил за мягкую, приятную стену ощущения веселой расслабленности. Курт сидел за столом и с пьяной улыбкой смотрел в одну точку.

– Ну и что произошло страшного!? – воскликнул он с тем неповторимым пафосом, который свойственен людям в средней стадии опьянения. – Да ничего! Крыса убита – это раз! – Бремер загнул большой палец левой руки. – Картина спасена – это два! – указательный палец. – От волка мы убежали! – Курт задвинул средний палец вниз и внезапно остановился, открыв рот.

Спустя секунду он с силой ударил себя по лбу.

– Ах! Вот дурак же я! Перстень! Перстень!! Когда я его одел на средний палец, точь-в-точь как у гроссфатера на картине, все страхи перед этой серой гадиной пропали, я ее уничтожил за полминуты! Вот она разгадка тайны: «Отпечаток в темноте дает»! Ах – какой я болван! Отпечаток – это средний палец левой руки деда! Тот самый, на котором перстень был спрятан...»

– Значит – он как будто талисман?? – последние слова Курт произнес громким шепотом и оглянулся по сторонам, словно боясь, что его кто-то услышит. Но в каминном зале висела мертвая тишина. Художник обхватил руками голову и задумался.

«Но почему же у меня было столь сильное желание уничтожить свою любимую картину? Как наваждение, какое! И я бы порвал в клочья „Руку Марии“, не поскользнулся на останках крысы».

Курт поморщился, вспомнив ужасный вид своей спальни.

«Завтра придется все убирать там... противно... Переберусь лучше я в другую комнату, благо их здесь так много...»

Усталость волнами накатывала на измученное переживаниями тело художника. Он вытянулся на длинной широкой скамье и через несколько минут сладко заснул. Сквозь сон до него смутными, зыбкими видениями долетали: то боль в голове через липкие от крови волосы, то отчаянный визг погибающей крысы, то зловещий вой неизвестного зверя. Как будто прошедшее возвращалось назад в своем желании унести душу спящего человека через неосознанные барьеры пространства и времени...

Глава 4

Утром Курт поднялся разбитый. Болела голова, и внутри как будто невидимые кошки острыми ногтями царапали желудок. Покосившись на огромную пустую бутылку, валявшуюся под столом, художник тяжело вздохнул.

Есть не хотелось. Курт снова побрел в винный погреб, повинуюсь неосознанному желанию немного утопить страх в алкогольном полузабытьи. Там, выбрав бутылку поменьше, откупорил горлышко и, запрокинув голову, сделал несколько освежающих глотков. Сразу заметно полегчало. Курт вытер рукавом губы и прошел по коридору в хозяйственный блок. Здесь, на кухне, он набрал воды из большой бочки и умылся. Потом налил полное ведро, взял швабру, пустую корзину и уже было, хотел направиться в спальню, чтобы убрать останки вчерашнего побоища, как в дверь негромко постучали.

Курт быстро поставил все на пол и, тихо ступая по полу, подошел к двери. Он остановился перед ней и прислушался. Снаружи было тихо.

«Может, показалось?» – подумал художник и повернулся, было назад, как стук повторился.

– Кто там? – выкрикнул Бремер через дверь.

– Вы хотели продать замок? – раздался с улицы шелестящий женский голос.

Курт резко дернул засов, открыл тяжелую дверь и замер в изумлении. Перед ним стояла молодая женщина. Сказать, что она была красива – значит, ничего не сказать. Она была просто прекрасна.

Пышные каштановые волосы слегка теребил свежий ветер, и они развевались под элегантной черной шляпой. Огромные зеленые глаза с едва заметной усмешкой смотрели на растерявшегося художника. Тонкие черты лица, горделивая осанка, уверенный взгляд сразу свидетельствовали об аристократическом происхождении гостьи. Она была одета в дорогое платье черного цвета, подчеркивающее все прелести ее фигуры. В руках, которые до локтя покрывали длинные полупрозрачные темные перчатки из легкой ткани, женщина держала небольшую сумочку. Элегантный перстень с внушительного вида большим бриллиантом украшал указательный палец ее правой руки.

– Ну, так... молодой человек? – женщина слегка улыбнулась. – Что же вы молчите?

– Да, да, – быстро проговорил Курт, немного выходя из состояния столбняка, – продаю, конечно!

– Тогда, быть может, вы, наконец, пригласите меня внутрь, чтобы я смогла осмотреть замок?

– Конечно, входите, будьте так добры... простите мою неучтивость, но...

– Что, но? – слегка приподняла бровь гостья.

– Просто я хочу сказать, что никогда в жизни не видел такой красивой женщины, как вы... фрау...

– Фроляйн Берта Раум, – снисходительно усмехнулась красавица.

– О! Простите меня! – воскликнул Курт Бремер. – Разрешите представиться!

– Не надо, я знаю ваше имя, – мягко ответила Берта.

– Да? Откуда? – недоуменно спросил художник.

– Не задавайте лишних вопросов, Курт, – мягко парировала фроляйн, и чуть помолчав, спросила:

– Ну? Вы будете моим экскурсоводом по владениям?

– Да, естественно, проходите! – и Бремер посторонился, пропуская нежданную гостью внутрь.

Она вошла, шелестя дорогой тканью платья и обдав Курта запахом французского парфюма.

Художник заволновался. Он представил, какой великолепный портрет мог бы получиться, согласись Берта позировать ему. Профессиональное чутье подсказывало Бремеру, что более идеального варианта для картины под названием «Красавица» подыскать было практически невозможно. Он шел рядом с гостьей, откровенно любуясь точеным профилем ее лица, иногда его взгляд украдкой опускался ниже, и тотчас невидимая жаркая волна проносилась по его груди.

Курт показывал Берте одну комнату за другой, она, не спеша, осматривала их, отпуская короткие комментарии, судя по которым можно было предположить, что замок ей нравился. Молодой человек уже прикидывал, какую сумму следовало бы объявить по окончании осмотра, как его размышления прервал странный звук, донесшийся из той части замка, где располагалась его спальня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.